

ИЗ ИСТОРИИ НАШЕГО КРАЯ

П. БОРОДКИН

ПОХОД В ГОРЫ

(Очерк)

В первой половине XVIII века русские цари проявляли особый интерес к Алтаю. Их интересовали не только рудные богатства Алтая, они стремились расширить в этих местах границы своих владений.

В 1745 году по приказанию бригадира Безера,¹ который выполнял секретный указ сената, в малоизученные районы Горного Алтая была послана экспедиция из местных жителей: приписных крестьян, казаков, горожан. Экспедиция во главе с рудоискателем Петром Шелегиным, работавшим у Демидова, прошла по тем временам большой и трудный путь, собрала необходимые сведения о Горном Алтае.

Но люди, совершившие подвиг, остались незамеченными. Царские чиновники не нашли нужным выполнить свои же обещания о «милостях» участникам экспедиции, и их ожидала участь бесправных рабов.

Эпизод с экспедицией Шелегина, о котором рассказывает настоящий очерк — героическая страница истории русского народа и в то же время яркое доказательство его бесправия в условиях крепостничества.

В феврале 1745 года, по приказанию царицы Елизаветы I, на лихих ямских тройках примчалась на Алтай

комиссия знатоков горного дела во главе с бригадиром Безером. Комиссия остановилась на Кольвано-Воскресенском заводе Демидова. Безер со своими подчиненными с дотошностью вникали во все заводские и рудничные дела, творимые приказчиками и служителями Демидова, с единственной целью — найти во что бы то ни стало в алтайских рудах золото с серебром и способы их выплавки.

Но не одно это накладывало отпечаток озабоченности на лице Безера. В дорожном ларце, обитом узорчатым сафьяном, хранился секретный указ сената от 26 июля 1744 года. Указ строго предписывал Безеру провести обследование малоизученной горной области от Кольвано-Воскресенского завода до Телецкого озера и далее и незамедлительно сообщить о том с нарочным в Петербург.

В просторной комнате заводской канцелярии, за столом, накрытым тяжелой скатертью, сидел Безер. На новом мундире тускло блестели многочисленные награды и отличительные знаки бригадирского чина. Безер хранил неподвижную позу и казался врезанным в высокую спинку кресла. Напротив стоял человек, высокий и сухощавый, но широкий в плечах. Ветхая овчинная шубейка со множеством заплат причудливых форм была очень короткой, отчего человек выглядел гораздо выше своего настоящего роста. Безер упер-

¹ Средний чин в табеле о рангах между полковником и генерал-майором.

ся в человека холодным пронизывающим взглядом серых немигающих глаз и вел подробный расспрос:

— Петр Иванов сын Шелегин. Так ли ты прозываешься?

В знак почтения и нескрываемого страха перед высокопоставленным начальником Шелегин отвесил поклон в пояс и ответил неровным от волнения голосом:

— В точности так, высокородный господин!

— Сколько лет от роду, какого звания будешь?

— Лет от роду 42, из тутошних крестьян я.

— Как долго обретаешься у Демидова, бывал ли у Телецкого озера?

— Для господина Демидова 12 лет руды прискиваю, доводилось мне, нижайшему, с товарищами хаживать до той самой озерины!

По всей видимости, довольный тем, что ответы Шелегина совпали с ранее полученными сведениями о нем от демидовских приказчиков, Безр согнал с лица строгое выражение и заговорил более мягким и ровным голосом:

— Наслышан о тебе немало... говорят, ты в здешних местах, что рыба в воде, и в рудах понятие имеешь. Поразмыслил и решил я по силе указа правительствующего сената послать тебя во главе разног чина людшек к Телецкому озеру, на пользу ея императорского величества...

При мысли о царской службе холодная дрожь неприятно покорила спину Шелегина, передалась коленям.

— Не по силам мне, нижайшему, такая почесть... грамоте не разумею...

Безр, не привыкший терпеть мужицких возражений, властным жестом перебил Шелегина и с раздражением в голосе сказал:

— Ведомо, что грамоты не знаешь! Приказ тебе пока один: без промедления подбирай охочий люд, какой тебе подручнее, а по весне в путь! Понял?.. Иди!

В кузнецкую воеводскую канцелярию, демидовские руднично-заводские конторы полетели указы комиссии. В них Безр именем «ея императорского величества» строго требовал, чтобы власти не препятствовали охочим людям в желании пойти в горы, а их семьям не чинили бы обид и

притеснений, не обременяли заводскими и прочими работами.

Из разных уголков Алтая и из других сибирских мест на Колывано-Воскресенский завод повалил толпами охочий люд. Шелегин отбирал для похода в горы тех, кто отваживались бросить дома не только ради милостей, обещанных в указе. Приехал на завод и 75-летний старец, крестьянин Белоярской крепости Корнила Тушин.

В каморку, отведенную Шелегину, ввалился запросто, с шумом, как будто прожил в ней с пеленок.

— Здорово, Петра! Принимай старика под свое начало!

— Дед Корнила! и выпала же радость! — Шелегин сграбастал в охапку старика, затем суетливо задвигал тяжелым табуретом и виновато сказал: — и чево это я гостю места не даю! Садись, дед Корнила!

Не одну дорожку на Алтае протоптал дед Корнила: зверя промышлял, руду искал. Шелегина когда-то обучал тому. За чаем да за разговорами старые друзья не заметили, как миновала полночь.

— Сила от меня не ушла и глазом не ослаб, — говорил дед. — Мне-то не откажешь. А вот за внука Саньку просить буду... 14 лет парню... ему прогулка пойдет впрок... к нам приглядится да с трудностью обывнет — глядишь и рудознатцем добрым станет...

К началу апреля 1745 года Шелегин отобрал 95 человек для похода в горы.

Это были крестьяне и казаки Белоярской и Бийской крепостей, Берского, Сосновского и Чаусского острогов, а также жители городов Кузнецка, Томска, Тары и переводчик — телеут Чауш.

Многие из новых товарищей Шелегина в поисках вольной жизни, рудных залежей изведали пути-дороги в самые потаенные уголки алтайской земли. Сыскался среди охочего люда и грамотей — крестьянин Белоярской крепости Василий Степанов. Его Шелегин взял помощником к себе по письменной части.

9 апреля 1745 года в церкви Воскресения при Колывано-Воскресенском заводе совершился несколько необычный обряд. Густой бас местного священника Бориса Данилова ло-

мал торжественную тишину. Весь церковный причт застыл в неподвижности, слушая чтение священника.

«Аз нижепоименованный обещаюсь и клянусь всемогущим богом и пред святым его евангелием...»

Коленопреклоненные Шелегин и Степанов громко и внятно повторяли прочитанное и ощущали, как их сердца постепенно овладевал холодный страх и чувство безвольной покорности принимаемому на себя тяжелому долгу.

Поэтому, когда последнее «аминь!» заглохло в церковных сводах, Шелегин и Степанов издали скрытый вздох облегчения. Светлее стало на душе...

Время пощадило документ, известный под названием клятвенного обещания, или присяги, на верность царской службе, которую от имени 96 человек приняли Шелегин со Степановым. Документ поныне не утратил свежести чернил, сохранилась под ним и надпись корявой, неуверенной скорописью: «...вместо означенного Шелегина и за себя Василий Степанов подписуюсь своеурочно».

После принятия присяги сам Бээр вызвал к себе Шелегина и Степанова, внушительно и долго поучал:

— Слушайте и помните... надлежит вам по пути разведать реки и озера, поселения и под чьим оным владением... особенно примечайте места, способные для постройки крепостей, для хлебопашества и скотоводства, а также рудные места. Поразмыслите, откуда можно быстрее и надежнее доставлять провиант к Телецкому озеру. На то вам секретная инструкция сочинена.

Бээр вручил Шелегину закрученную в трубку бумагу, понизил голос, будто опасался, что посторонние уши могут услышать сказанное, таинственным полупшепотом добавил:

— Ведомо, что в тамошних краях кочуют племена, подвластные джунгарскому хану Галдан-Церену... при встрече с ними, дабы не воспоследовало бы вам каких-либо препятствий, купцами именуйтесь, торг открыт старайтесь... а, паче чаяния, от джунгарцев последуют противные действия оружием и инструкции не миновать огласки — приказываю изорвать ее на

мелкие лоскутья, дабы прочесть было не можно.

Апрельским утром 1745 года длинный обоз экспедиции покинул Колывано-Воскресенский завод. Помимо провианта на телегах лежали выделанные кожи, предметы домашнего обихода из железа, веревочные концы, скрученные в кольца, — все необходимое для торгового дела.

30 апреля обоз достиг западного берега Катуня, недалеко от русской деревеньки Иконниковой. Безлюдная долина реки расцвела в весеннем роскошном наряде, который поражал взгляд богатством природных красок. Упругие побеги молодотравья были так густы, что напоминали плотный зеленый ворс гигантского ковра с небрежно разбросанными по нему цветистыми пятнами. Густые заросли белоснежной ромашки вклинивались в обширные поляны, покрытые ярко-желтыми присами. Среди нежно-голубых васильков или темно-синих колокольчиков маленькими круглыми островками выделялись бледно-желтые хрупкие лилии. От пунцово-красного цветенья марьиных кореньев, как в огне, полыхали прибрежные корявые крутоярья.

Пять дней люди не покладали рук, готовились к переправе: рубили деревья, сооружали крепкие плоты, способные выдержать напор могучего течения реки.

Бойкому журчанью воды вторил восхищенный говор:

— И приволье ж! А земля-то! Пусть извечная. Ковырни сохой — сок брызнет!

Полной грудью люди вдыхали густой от медвяных запахов весны воздух и давались диву — усталость не брала.

5 мая 1745 года экспедиция благополучно переправилась на правый берег Катуня и двинулась на юго-восток. Путь пролегал по слегка всхолмленной долине. Отдохнувшие лошади легко катили повозки. Вдали зеленели отлогие предгорья Северного Алтая. Их вершины образовывали непрерывную зубчатую линию, которая в одном месте взмывала резко вверх. Это высилась гора Бобырган.

На стоянках Шелегин приказывал ловить рыбу в Катуня. Санька Тушин поварил с казаком Ивановым и

неизменно хлопотали у огромного костра. Когда на землю опускались прохладные сумерки, начинался ужин. Мужичкине желудки наполнялись отменной пищей, не виданной и в редкий праздник: за наваристой ухой, приправленной сушеной колбой, или диким чесноком, следовали подрумяненные жирные куски тайменя, кудрявая крупинка к крупинке, пшенная каша, обильно сдобренная маслом. Заканчивался ужин чаем, заваренным на свежих пахучих прутьях дикой смородины и шиповника.

После ужина люди начинали разговоры под стать своему настроению.

— От, бог даст, сыщем, Петра, руды добрые, царской милостью не будем обойдены, — обратился к Шелегину, стоявшему в центре людского круга, казак Бикатунской крепости Ермил Дорофеев.

— Ишь ты о чем! — вмешался дед Корнила.

— Царскую-то милость мужику, что ветер ситом не пымать... Известно, что за милость к мужику... смолоду бегаю я от нее... ты бы о другом, Ермила, что для мужика пользительней!..

Через круг черной тенью метнулась человеческая фигура, остановилась возле деда Корнилы и начала отчаянно вертеть руками:

— Зачем зря говоришь? Много раз бывал речка Башкауз и Чулышман! Ой руда сколько, много-много, разный.

Дед поднялся на ноги, снисходительно, без малейшего упрека, сказал: — Не ту обедню, Чауш, завел! Я о зиме, а ты о лете.

Раздался добродушный сдержанный смех десятков людей: Чауш, обескураженный своей опрометчивостью, ушел на место.

За полночь Шелегин выставил дозоры.

В путевом журнале экспедиции, который вел Степанов, каждый день появлялись новые записи. Шелегин хорошо помнил строгий наказ Безра и внимательно изучал проходимые места. 9 мая 1745 года, когда экспедиция подошла к устью реки Иши при ее впадении в Катунь, в журнале появилась запись: «...есть к строению крепости место весьма удобное, лесов, боров и скотских выпусков довольное

число, к хлебопашеству десятин, например, будет тысячи на две или на три... Спустя несколько дней при устье реки Маймы зоркий взгляд Саньки Тушина обнаружил признаки недалекого жилья. — Вон там, влево, дядя Петра, конскими копытами трава прямая, волосяные пути валяются! — Довольный похвалой за открытие, Санька вновь шмыгнул в сторону и неумоимо выискивал все, казавшееся ему сколько-нибудь значительным.

К исходу дня на открытой луговине, убежавшей зеленой скатертью от берега Маймы, показались островерхие юрты. Обоз остановился. Шелегин с Чаушем верхом на конях подъехали к кочевью.

— Сюда ходи! — указал Чауш на юрту, крытую белыми конскими шкурами и выглядевшую среди остальных более нарядной.

— Здесь должна старейшина!

На зов Чауша из юрты вышел неслишком старый, крепкий, приземистый и еще в силе человек.

Он измерял пришельцев недоверчивым взглядом бархатно-черных глаз и приветствовал их молча легким кивком головы.

— Передай ему, что мы подданные ея императорского величества, приехали торг вести. Спроси, кому ясак платят, — сказал Шелегин. На расспросы Чауша человек ответил тем, что нырнул обратно в юрту, а затем возвратился с соболями шкурами в руке.

Он отложил в сторону одну звериную шкуру и начал говорить спокойно и размеренно. По лицу его, как заметил Шелегин, изредка пробегала еле уловимая улыбка.

— Он старейшина, — перевел Чауш, — телеут кочевать надо! Мал-мал ясак плати: один соболю человека века русский царь бери!

Затем старейшина отсчитал пять соболей, швырнул на землю, затараторил так часто, что Чауш едва успевал уловить смысл сказанного. В глазах старейшины загорелись недобрые огоньки, желтоватое лицо покрыли красные пятна.

— Говорит он, — перевел Чауш, — джунгарский хан ох какой злой и жадный, пять соболю с человека ясак плати, еще два будет набавлять!

По настоящему приглашению старейшины экспедиция остановилась на ночлег рядом с кочевьем.

Огромные языкастые костры разлили по луговине красноватый, трепетно-дрожащий свет. Было видно, как возле огня хлопотали суетливые хозеява, а затем с простодушным гостеприимством угощали русских вареной бараниной, крепким и пахучим настоем китайского чая.

Завязалась беседа. Чауш при переводе добавлял смешную отсебятину. И русские и телеуты смеялись от души, довольные случайной встречей. Утром Шелегин вручил старейшине подарок — большой железный котел и таган. Среди собравшихся на проводы телеутов, подобно легкому шороху ветра в листве, пробежал откровенный гул одобрения:

— Карош русский! — перевел его смысл Чауш.

Старейшина вручил Шелегину длинную резную трубку из березы и вызвался с двумя телеутами показать удобный путь.

Степанов внес краткую запись в путевой журнал:

«...пошли по реке Майме по ней жилища двоеданцев ясашных таутелеутских татар юрт тридцать... угодных мест, лесов и скотских выпусков довольное число, а к хлебопашеству малое число».

От Маймы Шелегин круто повернул на восток. Продвигаться с каждым шагом становилось труднее. От непрерывных ударов о камни сыпались спицы в колесах.

Все чаще попадались крутые подъемы и спуски. Веселые луговины с богатым разнотравьем, березниками и черемухой, сменялись мрачной чернью — густыми зарослями ели, пихты и кедрача.

Здесь было прохладно: лежал глубокий снег, надежно укрытый от солнца сплошным навесом из елово-пихтовых ветвей. Дед Корнила предложил: — Пристало, Петра, бросить телеги! Одна помеха от них! — Груз навьючили на лошадей и на людей. Исковерканные телеги остались на берегу реки Сары-Кокши, как память о проходивших здесь людях.

Ватага пошла медленнее. То и дело проваливались в снег по самое брюхо лошади. Люди передвигались осто-

рожно, высккивая ногами на ощупь более твердые клочки лежалого снега.

17 мая экспедиция вышла на левый западный берег Би. Путь к Телецкому озеру, более удобный и известный Шелегину, пролегал по восточному берегу реки. После короткого отдыха в этот же день караван совершил переправу.

Каждая лошадь привязывалась поводом к хвосту следовавшей перед ней. Образовалась живая цепь, которая могла легче преодолеть течение реки. На спинах лошадей прочно закрепили груз. На первую более сильную лошадь сел Чауш, не раз совершавший переправы через стремительные горные реки. Раздались громкие крики погонщиков. Вскоре весь караван погрузился в воду. Вслед за ним тянулась полоска кипящей пены. Тревожное ржание лошадей заглушало шум реки.

Последними переправлялись люди, крепко вцепившись в гривы лошадей. На самой стремительной реке, где вода закручивала глубокие воронки, неожиданно разорвалась живая цепь. Отвязавшиеся две лошади стало сносить течением на острый каменный выступ, торчавший из воды. На передней лошади плыл Санька Тушин. Дед Корнила замер и онемел от страха. Между тем, Санька совсем не думал сидеть сложа руки перед лицом опасности и был далек от состояния оцепенения, которое сковало деда. Санька, подобно Чаушу, громкими криками, частыми ударами ног в бока лошади заставлял работать ее в полную меру своих сил.

— Слава те богу! — облегченно вздохнул дед Корнила, осенил себя крестом, когда Санькина лошадь ступила на каменный берег и с нескрываемым восхищением добавил: — Ай да Санька!

Переправа закончилась вечером.

Запылали костры. Люди сушили промокшую одежду, поклажи, варили пищу. Ранним утром ватага тронулась в путь. Постепенно река становилась уже, а течение ее — стремительнее. На третьи сутки после переправы до слуха людей донесся глухой рокот, напоминавший раскаты далекого грома.

Вскоре в разрывах прибрежных зарослей стало видно, как река зеле-

новой прозрачной лентой срывалась с каменистого обрыва, крутилась внизу в бешеном хороводе и сбивала пышные булки ноздреватой, бело-снежной пены. Над водопадом, в лучах солнца, искрила цветами радуги водяная пыль. Это были истоки Бии. За порогом начиналось Телецкое озеро. Его гладкая, без единой рябинки поверхность, покоилась в обрывистых каменистых берегах, заросших пихтачом и ельником.

Дальнейший путь, еще ранее разведанный спутниками Шелегина, проходил по западному берегу Телецкого озера. Ватага вновь переправилась, на этот раз без происшествий, через Бию и решила разделиться на две группы: одна должна берегом, а другая водой достичь южной оконечности озера и встретиться там.

Как записано в путевом журнале, Шелегин стоял на одном месте с 21 по 25 мая. В это время люди строили лодки, лошади отдыхали. Вековую тишину нарушили непривычные для черневой тайги звуки: визг пил, дружный перезвон топоров, рубивших вековые кедры, частый перестук молотков, русский говор.

26 мая на воде покачивались три лодки-баркасы. На каждой из них разместили груз и по 6 человек. Дед Корнила — старшой немудрой флотилии — подал знак картузом, гребцы взмахнули лопашными веслами, и баркасы бойко побежали по озерной глади.

Лодшата с облегченным грузом и после отдыха зашагали проворнее. Но путь преграждали многочисленные переправы через бурные речки, которые вытекали из Катунского хребта и впадали в озеро, отвесные скалы, каменные завалы. Приходилось часто двигаться вперед, крепко держа под уздцы лошадей, которые опасливо косили глазами в черные провалы пропастей.

За 6 дней караван с большим трудом прошел около 100 верст и вышел к устью реки Чулышмана, впадающего с юга в Телецкое озеро. Стояли погожие дни, которые обычны для этих мест в мае-июне, когда поверхность озера не ерошат ветры с юга — «верховки», ни с севера — «низовки». Дед Корнила на четыре дня раньше Шелегина приплыл к устью Чулыш-

мана. «Озерники» встретили «сухопутников» не с пустыми руками: успели наловить много телецких хариусов, застрелить несколько горных козлов — тэке.

Шесть дней ватага безбедно отдыхала, набиралась сил для похода в те места, где по рассказам кузнецкого жителя Егора Булатова и Чауша находились рудные камни. Несколько лет назад хаживал туда Булатов с кузнецким дворянином Мельниковым и другими служилыми людьми.

— А место то, Петра, лежит между Чулышманом и Башкаутом рекой как идти отсюда на полдень¹, — сказал Булатов Шелегину, когда караван тронулся в путь по узкой долине Чулышмана, зажатой между высоких гор.

Осталось позади устье реки Башкауса. Местность приняла более унылый вид: на правом гористом и безлесном берегу Чулышмана виднелись лишь отдельные зеленые пятна, все чаще попадались нагромождения гранитных камней, принесенных течением горных потоков, чахлая растительность на солонцеватых почвах.

Караван с левого берега Чулышмана свернул на юго-запад по направлению к верховьям реки Башкауса. Булатов останавливался в гранитных россыпях и подолгу осматривал поверхность камней. Однажды он радостно закричал:

— Вот они, Петра, смотри!

Шелегин и вся ватага увидела на камнях высеченные крестики. — То метки дворянина Мельникова. Отсель идут рудные места!

Шелегин, дед Корнила, Булатов и Чауш вскоре набрали тяжелых рудных камешков и старательно уложили в деревянные сундучки. Здесь караван расположился на длительную стоянку. Шелегин хотел подробнее исследовать долину реки.

— Ну что, зря говорил моя, — торжествующе трещал Чауш возле деда Корнилы.

— Руда много, дальше — больше.

— Обожди кудахтать. Цыпят по осени считают! — беззлобно ответил дед.

К вечеру на берегу Башкауса пока-

¹ На юг.

зались люди, погонявшие навьюченных лошадей. Чье-то кочевье меняло стоянку. Чауш, посланный к кочевникам, вернулся ни с чем. Кочевники делали вид или на самом деле плохо понимали язык телеутов и на вопрос, кому платят ясак, отвечали угрюмым молчанием, а на Чауша не обратили ровно никакого внимания.

Слушая Чауша, Шелегин проникся смутным предчувствием чего-то недоброго и приказал выставить на ночь вокруг лагеря усиленный караул.

* * *

Когда легкий ветерок и лучи солнца рассеяли молочный туман, перед взорами Шелегина и его товарищей предстала необычная картина.

Вблизи лагеря толпились сотни всадников, вооруженных турками¹ и сайдаками². В стороне стояло несколько десятков кольчужников³. Их металлические доспехи холодно поблескивали на солнце. Всадники построились в боевой порядок и, взяв оружие на изготовку, начали сжимать кольцо вокруг лагеря.

Шелегин подошел деда Корнила, Степанова, Чауша и вместе с ними пошел навстречу надвигавшейся опасности. Всадники остановились.

Шелегин подошел вплотную к ним и через Чауша попросил старшего. Здоровенный скауастый детина в легкой шубейке, расшитой дорогими мехами, в сопровождении нескольких человек подъехал на добром монгольском коне к Шелегину и заговорил крикливо-резким, высоким голосом.

— Джунгарский князь Чап велит уйти русским быстро-быстро с земли его повелителя Галдан-Церена. Не ходи русский обратно — князь воевать будет, — перевел Чауш разговор Чапа.

— Передай ему, что мы пришли с торгом, а не воевать джунгарского хана и зла никому не хотим! — сказал Шелегин.

Чап побагровел, крепко ударил ногами лошадь и грозно прорычал:

— Торг вести не хочет, травы коням не дает! — перевел Чауш и добавил: — Надо ходить обратно!

Ничего не оставалось делать, как быстро собираться в обратный путь. Всадники джунгарского князька бесцеремонно отбирали у русских все, что нравилось, подгоняли плетью тех, кто, как им казалось, медленно собирались в дорогу.

Ватага уходила, провожаемая взглядами злых глаз. Вслед Чап послал несколько десятков кольчужников, чтобы русские не вернулись обратно или не свернули куда-либо в сторону.

Темной ночью Шелегин отправил вперед десяток надежных и бывалых людей. В весточке, которую настроил Беэру Степанов и отосланной с людьми, Шелегин сообщал:

«...и дошли до реки вершины Башкаусские, то в то время приезжали к нам башлык Чап Зимин сын с ним конных Каракольских, Саяцких и Чулышманских татар сот с пятью, у которых у каждого татарина по турке и по сайдаку, в том числе у них кольчужников сорок семь человек не допустили нас не только каких присков рудных принкивать... и к торговле и травы лошадям не дали и едва не прибили и возвращены были с великим трудом обратно на Телецкое озеро...»

На Телецком озере ватага вновь разделилась на две части: одна поплыла в баркасах, другая пошла по неисследованному восточному берегу. Джунгарские кольчужники бросили слежку тогда, когда Шелегин дошел до истоков Бии. 30 июня 1745 года ватага на лодках и лошадях достигла дер. Новиковой в нижнем течении реки Бии, а 9 июля — Кольвановского завода. Беэр, получивший ранее известие о причинах возвращения экспедиции, а также образцы руд, встретил Шелегина и Степанова приветливо.

— Отбери из числа своих товарищей 16, которых сочтешь достойными. Жди моего приказа, ни в какие работы не ходить, если не считать, что явится охота руду искать поблизости... в горы еще сходить надобно.

Вскоре Беэр уехал в Екатерин-

¹ Турки — род шомпольных ружей.

² Сайдак — лук со стрелами.

³ Кольчужник — воин, одетый в кольчугу.

бург, а оттуда в Петербург. Перед отъездом бригадир очень внимательно изучил путевой журнал Шелегина и нашел, что сведения в нем представляют немалый интерес для сената. Шелегина предполагалось вызвать в Екатеринбург для дачи более подробных данных о исследованных районах Горного Алтая.

— Не говорил я, что милость царскую добудем! — торжествуяще говорил казак Дорофеев.

Дед Корнила отмалчивался. Оба они и Санька попали в число 16 человек, отобранных Шелегиным.

Шло время. Безр не подавал никакой весточки. Этим воспользовались горные чиновники, оставленные бригадиром для присмотра за делами и имуществом царской комиссии. Шелегина и 16 избранных вновь заста-

вили зарабатывать «подушные деньги».¹

С утра до вечера они возили, сортировали, дробили руду. Наравне с другими работали дед Корнила и Санька.

С тяжелым вздохом люди вспоминали минувшие вольные деньки, а дед Корнила упорно твердил свое:

— Нет, не пымать мужику царских милостей!

¹ «Подушные деньги» — налог, который взимался государством с каждой мужской души. На Кольвано-Воскресенских (Алтайских) заводах крестьяне обязывались сенатскими и царскими указами зарабатывать деньги, которые в казну вносились за крестьян заводскими конторами.